

Игорь Винниченко

Жертва вечерняя

Фантастический роман

1

И солнце здесь было обычное, и зелень деревьев ласкала взор, и в воде отражалось голубое небо, но что-то во всем этом было чужое и непривычное, что-то неуловимое, собиравшееся по каплям в подсознании, отравляющее общее впечатление. Может все оттого, что дул неприятный холодный ветер, по озеру шла рябь, и какая-то невнятная серая туча выползала из-за близлежащих гор с угрожающей неприветливостью. Перевозчик неуклюже загребал веслом, отчего лодка то и дело сбивалась с курса, и он суетливо, и опять же неуклюже, корректировал направление движения, поднимая при этом брызги.

Епископ Геллер рассеянно наблюдал, как по воде плывут сорванные ветром листья, но думал не о листьях.

— Кажется, вы разочарованы, — тихо сказал ему Дирк Сто-Гоули, сопровождавший его инспектор службы безопасности колонии, снисходительный молодой человек в костюме космического чиновника.

— Как вам сказать, — отозвался епископ Геллер со вздохом, который давал ему время подумать над ответом. — Я ждал худшего.

— Худшего?

— Ну да. Я думал, это будет узколобый фанатик, маньяк и мракобес, а он оказался милым старичком, да и диакон его тоже приятен.

Дирк кивнул головой.

— Я понимаю ваше настроение, — сказал он. — Похоже, их ясная и истовая вера поселила сомнения в вас, не так ли?

Геллер улыбнулся и покачал головой.

— Слава Всевышней Воле, до сомнений не дошло. Но я совершенно не представляю, что я скажу на коллегии Синедриона!

— Разве христианская церковь является для вас открытием? — удивился Дирк. — Мне казалось...

— Христианская церковь, — перебил его епископ, — давно и уверенно входит в Мировую религию. Очень многие догматы этой древней веры вошли в Свод Заповедей. Но остались отдельные секты, течения, даже личности, кто не желает признать религиозного единства. Это было большой проблемой лет триста назад, но теперь это не более, чем нонсенс.

— Значит, отец Феофан относится к противникам Синедриона?

— Да, конечно. Он принадлежит к течению ортодоксов, самых консервативных христиан, и они с самого начала объявили себя противниками Мировой религии. У них есть свои структуры на Земле, там еще наличествуют тысяч десять — пятнадцать полоумных догматиков, но я впервые встречаю ортодоксального миссионера в космосе. Боюсь, тут есть нарушение существующих соглашений.

— По нашим данным, никаких нарушений нет, — сказал Дирк, насупившись.

Епископ Геллер глянул на него и улыбнулся.

— Вы так отчаянно защищаете его.

— Да, — сказал Дирк, — он мне симпатичен. Вы знаете, мне приходилось знакомиться с материалами вашего Синедриона, и в отличие от многих, я знаю, что такое Мировая религия. Но никогда и ни при каких обстоятельствах я не испытывал такого духовного потрясения, какое испытал при встрече с отцом Феофаном.

Геллер кивнул головой.

— Я вас понимаю, Дирк. Вы попали под обаяние сильной личности, вот и все объяснение. Признайтесь, он наверняка совершил над вами крещение?

Дирк чуть виновато усмехнулся.

— Да. Разве вы не признаете этот обряд?

— Мы отвергаем обрядоверие, Дирк, —

сказал епископ. — Мирская религия, это вера свободных людей, не принуждающая ни к чему, а лишь помогающая им осознать свое место во Вселенной.

— И, тем не менее, — не удержался Дирк, — не слишком-то многим вы помогаете.

Епископ вздохнул.

— Это общий духовный кризис, Дирк. Мир сошел с ума от своих открытий, и на время отвернулся от смысла и гармонии. Придет время, и люди снова обратятся к святыням. Это уже было в веках.

— Хочется надеяться на это, — вздохнул и Дирк.

Лодка, наконец, подошла к деревянной пристани на берегу, за которой поднимался поселок из небольших сборных домиков. Какие-то рыбаки неподалеку грузили в лодку сети, собираясь на ловлю. Пучеглазый фиолет в полосатой робе, стоявший на пристани, помог пассажирам лодки выбраться на мостки, и Геллер покровительственно похлопал его по плечу.

— Как я понимаю, поселок построили вы, — сказал он, разглядывая домики, выглядывавшие из зелени, как игрушки на елке.

— Да, — сказал Дирк. — Они тут жили в земляных ямах и грелись открытым огнем.

Епископ еще раз глянул на фиолетового

туземца и подмигнул ему. Тот улыбнулся в ответ своим жабьим ртом и сказал:

— Слава Богу!

— Да, да, — сказал епископ сдержанно, и они сошли на берег.

Выглядел он крепким, спортивного вида немолодым жизнелюбцем, одевался со вниманием, даже щеголевато, и единственное, что отличало его, был эмалевый значок с Глазом на нашейной повязке, символ Мировой религии. Дирк мысленно представил его в собрании мудрецов, и Геллер легко нашел свое место в этой картине. Уполномоченный исполнитель Синедриона, таково было официальное именование епископа.

Вокруг оставленной машины играли туземные ребяташки, фиолетовые, красные и желтые. Водитель Пат Шимански обучал их футболу, и им это нравилось. Толстая тетка, принадлежавшая к желтой расе, сидела неподалеку и наблюдала за ними — это была воспитательница. Пат очень хотел поставить ее на ворота, но тетка решительно отказывалась.

Епископ лишь дежурно улыбнулся и сел в машину. Дирк же поймал мяч на ногу, пожонглировал им на потеху ребятне, и пробил по воротам. Пат Шимански в блестящем броске поймал мяч, бросил его ребятам и сказал:

— Подарок!

Если бы он этого не сказал, они бы не прикоснулись к мячу, а так немедленно бросились играть между собой.

Сев в машину Пат отметил:

— Еще год назад я мог бы сутками перед ними фокусничать, они бы и не пошевелились. А теперь, смотрите, что творится!

— Вы находите в этом прогресс? — чуть иронично спросил епископ.

Пат глянул на него чуть удивленно, повернулся к управлению и ответил:

— Я нахожу в этом удовлетворение.

Он включил питание, осторожно поднял машину в воздух, совершил разворот на месте и, послав прощальный сигнал юным футболистам, двинул ее по дороге в горы.

— Каковы ваши планы? — поинтересовался Дирк у епископа. — Вы возвращаетесь в Миры Согласия?

— Нет, нет, — сказал Геллер. — Цель моей поездки еще не достигнута. С парнями из вашей экспедиции я отправляюсь на другое полушарие, к черным магам.

— Черная магия тоже входит в Мировую религию?

— Разумеется. В нашу систему входят более тридцати двух тысяч исповеданий из уже семнадцати цивилизаций.

Дирк покачал головой.

— И что же их объединяет?

— Сила духа, — отвечал епископ.

Дирк глянул на его вдохновенное лицо с прикрытыми глазами, и промолчал.

2

Первый приступ случился у Ядвиги Яблонской во время длительного, почти трехсуточного перехода от Классена до Марго. Корабельный врач Джой Эркин поначалу решил, что это обычная ОР — отрицательная реакция организма на транспортный субпространственный переход, но уже первый диагноз показал, что это не так. Вскоре он появился в рубке бледный и взволнованный и потребовал капитана Головки для срочного разговора. Через пять минут капитан объявил на корабле режим строжайшего карантина, тогда и были произнесены роковые слова: «Звездная чума».

Корабль «Вольный стрелок» совершал транспортный рейс от порта приписки Плутон по Большому Кольцу Освоения, совершая сразу и перевозку пассажиров, и транспортировку грузов, и массу дополнительных услуг, вроде небольшой культурной программы с участием звезды транк-музыки Эдвина Хина. «Вольный стрелок»

был рейдером десантного типа, отслужившим свой век в дальних экспедициях, вполне еще сохраняющим ход и безопасность для регулярных трасс. Михаил Головки шел встречным курсом, из подающих надежды рейсовых капитанов в команду первопроходцев, и работа на «Вольном стрелке» была у него уже ближайшей ступенью к экспедиционному корпусу Космофлота. Он легко справлялся со своими обязанностями, сетуя на текучку и монотонность грузопассажирских рейсов, пока врач Эркин не позвал его на конфиденциальный разговор.

Ядвига Яблонская появилась на корабле в шумной компании туристов с Альдебарана, отправляющихся на ярмарку в систему Хос, и поначалу на нее не обратили особого внимания. И только после посещения Технологической Ярмарки на Хосе, где транк-звезда Эдвин Хин имел шумный успех, — не столько благодаря своему таланту, сколько поражая всех своим пестрым концертным одеянием, — команда обнаружила в составе пассажиров жгучую брюнетку, отправляющуюся на Землю. Ядвига была вызывающе красива, у нее были длинные вьющиеся черные волосы, стройная фигура и пестрый костюм в стиле «цыганки». Именно по этой причине многие члены команды неоднократно выражали желание получить предсказание судьбы любыми, известными ей

способами, и девушка увлеченно в эти игры играла. Она скоро стала звездой рейса, потеснив тем самым всем надоевшего, капризного и занудливого Эдвина Хина со всей его богемной командой, и страсти вокруг нее стали обретать острый характер. Тот же Эдвин Хин написал про нее лирическую песню, художник из его команды принялся писать ее портрет, а все остальные непрестанно за ней ухаживали. И вот этот диагноз перевернул всю жизнь на корабле.

«Звездной чумой» в просторечии называлась одна из самых заразных форм информопаталогий (*инпатов*), т. е. заболеваний, связанных с обменом информации. Открытые не более ста лет назад, эти заболевания до сих пор не поддавались исцелению, и единственной формой борьбы с ними была строгая изоляция. Человечество уже немало пострадало от инпатов, которые передавались не только в прямом контакте, но и через все прочие каналы связи. Целая колония в полторы тысячи человек вымерла после того, как приняла патогенную информацию с гибнущего в космосе корабля. Поэтому инструкции по вопросам инпатов были чрезвычайно суровыми.

Экипаж и пассажиры разошлись по своим каютам и были заперты там без всяких средств связи. Саму Ядвигу доктор поместил в яйцевидную капсулу, откуда исключалось поступление

информации, и запер в инфекционном боксе. Капитан Головко опечатал все передатчики, отослав предварительно в Центр управления полетов лишь строго установленное кодовое сообщение о случившемся, перевел корабль в пространственной расположение, и «Вольный стрелок» залег в длительный дрейф, дожидаясь реакции центра.

Первичный карантинный диагноз занял у Эркина около недели. Он понимал, как многое зависит именно от него, и, оставшись на корабле форменным диктатором, очень от этого нервничал. Наконец он пришел к выводу, что среди экипажа и пассажиров заболеваний не обнаружено, и это несколько разрядило атмосферу. Результаты диагностирования снова были закодированы в установленном порядке и переданы в ЦУП. Сообщение было принято, и наступила следующая стадия, пришло время смягчение условий карантина.

Капитан Михаил Головко был человеком сдержанным, а в экстремальных ситуациях становился и вовсе машиноподобным, действуя автоматически, согласно инструкции. Когда же пришел ответ из ЦУПа о смягчении режима, что означало, что Центр не запаниковал, как это бывало, принял их информацию и реально верит в благополучный исход, капитан вдруг почувствовал,

что в возникшей расслабленности он не знает, как себя вести. Предстоял длительный период томительного ожидания.

Кроме двенадцати человек команды на корабле было два десятка пассажиров. До сих пор капитан мало вникал в их заботы, доверив их попечительству стюардов и помощника, но теперь в ситуации безусловно необычной, следовало позаботиться о времяпровождении этих людей лично. Головко отправился к помощнику, занимавшемуся вопросами груза и пассажиров.

Лейтенант Космофлота Альфред Дениер принимал ванну, когда капитан вошел в его каюту. На диване была разбросана одежда, какие-то книги.

— Фред! — позвал капитан.

— Я-а-а... — донеслось из ванной сквозь плеск воды.

Капитан брезгливо сбросил с кресла рабочий комбинезон и сел, вытянув ноги. Потянувшись, взял одну из книг, полистал ее.

Дениер вышел из ванной, вытирая голову полотенцем.

— Рад вас видеть, — сказал он весело. — Вы ничуть не изменились за неделю нашей разлуки, капитан.

— Скажите, Фред, — спросил капитан, листая книгу. — Что вам дают ваши медитации?

Он захлопнул книгу и положил ее на столик.

Дениер фыркнул.

— Это не медитации, капитан. Это современная поэзия, записанная по старинке на бумаге. Поэты предпочитают древние способы коммуникаций.

— Нам предстоит целый месяц дрейфа, — сказал капитан. — Чем вы предлагаете заняться?

— Лично я всю неделю сочинял стихи, — сказал Фред. — А вы?

Капитан промолчал.

— Вы хотите что-то предложить? — спросил Дениер.

— Может, вы почитаете ваши стихи для всех? — спросил капитан.

Дениер рассмеялся.

— Ни за что! Это высокая поэзия, капитан, и это не для толпы. В мире есть лишь два — три человека, которые поймут меня правильно.

Капитан снисходительно усмехнулся. Он плохо разбирался в современной поэзии, и не считал это дело серьезным.

— Честно говоря, — сказал он со вздохом, — у меня не выходит из головы эта капсула с девушкой внутри.

Дениер посмотрел на него с удивлением.

— Вот бы не подумал, что вы переживаете это, — признался он.

— Я думаю, — сказал капитан, — что то же

самое рано или поздно начнут переживать и все остальные. Скажите пожалуйста, Фред, что за пассажиры нынче на «Вольном стрелке»? Можно ли быть в них уверенными?

Дениер пожал плечами.

— Команда Эдвина, это богемные босяки, в которых никогда нельзя быть уверенным. Их семеро, и каждый из них живет самовыражением. Я с самого начала, если вы помните, был против этой программы.

Капитан кивнул.

— Ну и полтора десятка случайных пассажиров с разных мест, — продолжил Дениер. — Трое едут с ярмарки, пятеро — колонисты, едут в Систему за субсидиями. Супружеская пара вольных путешественников, порхают с планеты на планету. Трое детишек с воспитателем, они подсели с Флоры. И еще один тип, гений 3-й категории. Он работал у юстов на Мери-Оаже в научном центре и заработал миллион эргов.

— Их надо держать вместе, Фред, — сказал капитан. — Я боюсь глупостей.

— Вы боитесь паники?

— Я боюсь глупостей, — повторил капитан. — Займитесь пассажирами, устройте им какое-нибудь общее занятие, — без нажима, конечно. Вовлеките их в игру, Фред.

Дениер кивнул, не сдержав, впрочем, усмешки.

— Не думаю, что опасность реальна, капитан. В большинстве своем они жители Колониального Космоса и не раз бывали в переделках.

Капитан поднялся.

— Я надеюсь на вас, Фред.

Он спустился на пассажирский горизонт и первый, с кем он там встретился, был длинноволосый парень из команды Хина.

— Привет, капитан! — сказал тот, широко улыбаясь. — Мы снова на свободе, да?

— Да, — сказал капитан.

Длинноволосый ногой открыл дверь в каюту и вошел туда. Навстречу ему раздался радостный вопль.

Капитан прошел мимо. В так называемой команде Эдвина Хина кроме самого певца было трое музыкантов, художник и две девицы, сопровождавшие обычно пение развязными танцами. Популярность транк-музыки на планетах Системы последнее время сильно упала, вот и приходилось звезде жанра разъезжать по окраинам. Это, впрочем, ничуть не понижало энтузиазма исполнителей, как на сцене, так и в быту. В их хамоватом напоре было слишком много искусственности и пошловатой надуманности, так что Михаил Головкин, в молодые годы бывший

приверженцем транка, теперь с трудом удерживал себя от презрения к ним.

Рейдер «Вольный стрелок» не отличался особыми удобствами для пассажиров, и небольшой ресторан с баром был единственным местом, где они могли собраться. Прошло уже более получаса после отмены строгой изоляции, но ресторан все еще был пуст. Кок Чень Чжу находился за стойкой, а супруги путешественники сидели за столиком, попивая напитки. Мужчине было лет пятьдесят, он был радостно возбужден и улыбался, а его жена, женщина лет тридцати, чуть устало поглядывала по сторонам.

— Капитан! — обрадовался Чень. — Поздравляю вас с успешным завершением дела. Выпьете что-нибудь?

— Что у вас так пусто? — спросил Головко, присаживаясь на высокий табурет у стойки.

— Они приходят в себя, — сказал Чень, улыбаясь. — Впрочем, доктор уже выпил пять порций крепкого, это в два с половиной раза больше обычного. Он ушел, чтоб ни с кем не видеться.

— Он нервничает? — спросил капитан.

— Да, — сказал Чень.

В ресторан уже входили, шумно переговариваясь, новые посетители. Двое были купцами, возвращавшимися с ярмарки, а третий —

тот самый гений-миллионер.

— Капитан! — вскричал один из них (*«не гений»*), — *подумал капитан*) , — так что, все обошлось? Или нет?

— Я уже все объявил, — сказал капитан. — Все решится после месячного карантина. Но никаких оснований для тревоги уже нет.

— Да полно вам, капитан, — сказал другой. — Как это нет оснований! Мы все крутились вокруг нее, а вы говорите, нет оснований.

Тут гений кашлянул и произнес:

— Я уже пытался объяснить им, что инпаты проявляются алогично. Понять это трудно, но это так.

— Вы Энрико Бернарди, не так ли? — спросил капитан.

Гений благодарно улыбнулся и кивнул.

— Да, я работал у юстов в научном центре.

— Насколько я помню, — сказал капитан. — У вас есть какие-то гипотезы по инпатам?

— Это было давно, — сказал Бернарди. — Мои гипотезы не подтвердились, хотя и опровергнуть их не смогли.

— Пожалуйста, — обратился один из купцов к Ченю, — что-нибудь освежающее, непременно шипучее, но не сладкое.

— А мне можно сладкое, — сказал другой.

— Вы познакомились с диагнозом? —

спросил капитан у Бернарди.

— Не успел. Я пытался связаться с доктором, но он не отвечает.

— Ваша консультация была бы кстати, — сказал капитан. — К тому же вы могли бы рассказать пассажирам об особенностях инпатов. Ведь тут столько всего наворочено.

— Конечно, я готов, — сказал Бернарди, и обратился к коку, — мне, пожалуйста, минеральной воды.

Капитан выпил еще порцию крепкой смеси, махнул рукой коку и отправился на мостик. Навстречу ему в ресторан шумно ввалилась компания музыкантов в полном составе.

— Чень! — закричал от двери Эдвин Хин, — ты живой? Так знай, мы пришли это отметить!

3

К вечеру ресторан был полон, но не еда была там главным занятием. Шел спор, жаркий и напряженный спор, расколовший зал почти надвое. Все началось с того, что лысый музыкант из команды Хина, отзывавшийся на кличку Бим-Бом, устал и заявил для всех:

— Господа! Я прошу всех вас отбросить иллюзии. Никто не станет нас спасать, никто не станет нами заниматься. Звездная чума, это печать

смерти, вот что. И пусть ни один прибор не докажет, что мы с вами заражены, печать уже поставлена, и где-то наверху против наших фамилий уже поставлен крест. Потому, кончайте нудить и давайте достойно встретим наш общий конец.

Два-три его приятеля закричали «Ура!», сам Эдвин Хин наморщился, а пассажиры возмущенно загомонили.

— Приятель, — заявил штурман Том Онго. — Вы можете выделывать эти свои штучки в своем кругу, чтобы возбудить своих подружек, но в космосе это называется «устраивать панику». Меры ответной реакции ничем не ограничены.

— О какой панике речь? — вступился за приятеля длинноволосый музыкант, прозывавшийся Дюком. — Паника, это когда кричат: «Спасайся, кто может!» и давят женщин и детей. Бим-Бом говорит о другом, давайте будем достойны той ситуации, в которой мы все оказались.

— Да хватит уже! — вскочил нервный супруг-турист. — Самовыражайтесь на сцене, клоуны! Там это имеет спрос.

Его молодая супруга дернула его за рукав, и он осекся.

— Вот именно, — поддержал его один из купцов. — Чего вы, ребята, на нас растрчиваетесь? Мы в эти игры уже давно не играем.

— Да вы меня не поняли! — дрожащим от обиды голосом заговорил Бим-Бом. — Я не то хотел сказать. По-моему, пир во время чумы это и есть победа над смертью, торжество жизни, если хотите...

— Никто не собирается умирать, дружище, — сказал тогда вполне дружелюбно Фред Дениер. — Если нам позволено общаться друг с другом, значит наше положение не так уж плохо.

— Вот этого не надо, — начал тогда возражать художник из все той же группы Хина, некий Буль дер Глюк. — Я говорю, врать не надо, Дениер! Ведь мы все знаем, что такое «звездная чума». Чего мы врем друг другу? Я сам работал в этой системе, и знаю, что карантин объявляется после первого сигнала кода, и всякая связь с зараженным кораблем прерывается. Никто не анализировал нашего диагноза, Дениер! Этот месяц, что нам дали, это всего лишь срок адаптации, чтобы успокоить нас. Потом найдутся новые доводы, и так будет длиться бесконечно. Потом мы взвоем, и нам позволят посадку где-нибудь на неосвоенной планете за пределами Кольца. На моей памяти такие операции были проделаны с тремя пассажирскими кораблями. Вы должны знать об этом, Том. Это «Баязет», «Капитан Кую» и «Весна».

Том Онго пожал плечами и ничего не ответил.

— Даже если все это так, — со вздохом произнес купец Дон Гомес, — то какая нужда была говорить обо всем этом нам, пустомеля?

Супруга туриста до боли впила ногтями в руку своего мужа.

— Что ты, Стелла? — испугался тот. — Пусти же...

— Наши дети, — простонала она. — Наши дети, Арт! Мы уже никогда не увидим их...

По ее окаменевшему лицу потекли слезы.

— Не верь ты им! — вскричал муж. — Это же негодяи, им бы только публику шокировать!.. Не смейте пугать мою жену! — закричал он, потрясая кулаками.

— Успокойтесь, господа, — поднялся Фред Дениер. — Нет необходимости пускаться в драку. Мы сейчас ничего не решим, и нам в любом случае надо ждать целый месяц. Ребята хотят поиграть в смертников, пусть играют. В той мере, в какой это не затрагивает наших интересов. Только учтите, никому из них нельзя верить. Это игра...

— Я не играю перед вами! — закричал Буль дер Глюк. — Я заявляю со всей ответственностью, что у нас нет выхода! Мы или подохнем здесь, или до конца дней будем проживать в какой-нибудь глуши...

Кто-то из колонистов подскочил к нему и ударил в лицо. Немедленно завязалась потасовка,

завизжали женщины. Членам команды с трудом удалось растащить драчунов.

— Вы дождетесь, — сказал Том Онго Хину. — Мы вас всех упрячем под арест.

— В моей команде нет коллективной ответственности, — отвечал транк-звезда, лениво поглядывая по щеке одну из своих подружек. — Каждый у нас отвечает только за себя.

Подружка радостно засмеялась.

Капитан Головка появился спустя минуту, когда страсти еще не затихли, но его появление сразу остудило разгоряченных драчунов. В хладнокровном спокойствии капитана было больше угрозы, чем в негодовании шгурмана.

— Все в порядке, капитан, — сказал Фред Дениер, улыбаясь. — Ничего серьезного.

Капитан холодно кивнул ему.

— Господин Глюк, — сказал он художнику. — И вы, господин Патеко, — сказал он колонисту, начавшему драку. — Вам надлежит разойтись по каютам. Я продлеваю ваш карантин.

— Бред, — сказал художник. — Я не намерен подчиняться.

Капитан Головка глянул на него с холодным интересом, и художник, выдержав этот взгляд, вздохнул:

— Ладно, я готов посидеть еще три дня, если вы видите в этом смысл. Привет всем!..

Он пожал руку Эдвину Хину, поцеловал одну из девушек, и вышел. Следом друзья увели красного от возбуждения колониста.

— Итак, это диктатура? — спросил громко Хин.

Капитан не ответил. Он сделал знак Чень Чжу, и тот включил музыку.

— Самое время для танцев, — хмыкнул кто-то из компании Хина и они засмеялись.

Капитан не стал обращать на это внимание, и неторопливо вышел. На самом деле он был уже крайне возбужден, потому что обнаружил в ресторанной потасовке явные признаки психологического кризиса.

Он вышел в коридор командного уровня и неожиданно услышал за собой характерный щелчок закрываемой двери. Он обернулся и прочитал на двери «Бокс-А». Ниже было приписано: «Строгий карантин. Вход категорически запрещен». Капитан шагнул к этой двери и нажал ручку.

Дверь раскрылась, и он увидел прижавшегося в страхе к стене молодого Вильда Бауэра, стажера-программиста. Вид у юноши был затравленный.

— Это вы, капитан, — пролепетал он. — Я так испугался...

— Что вы здесь делаете? — спросил капитан с интересом.

— Так, ничего, — сказал Вильд и закусил губу.

Капитан смотрел на него и ждал. Вот, думал он, сейчас он глянет на меня с вызовом. Вильд собрался с духом и посмотрел на него, но его вызова хватило ненадолго. Теперь он сломался, подумал Головко. Будет плакать.

У Вильда задрожали губы.

— Простите меня, капитан, — проговорил он, всхлипывая. — Я не в себе. Мне бы надо к врачу...

— Что ж, пойдемте, — согласился капитан. — Джой у себя. Успокойтесь, Вильд, мы вам поможем.

Они вышли из бокса, и капитан оглянулся на капсулу — огромное голубое яйцо, в котором находилась Ядвига, лишенная возможности подать о себе знать.

В кабинете у врача Эркина уже находился Бернарди, сидел за монитором и анализировал данные исследований. Сам Джой Эркин сидел в кресле, вытянув ноги и закинув руки за голову. Капитан вкратце рассказал о своей встрече с Вильдом, и оба немедленно повернулись к ним.

А Вильд снова заплакал.

— Я ничего не могу поделать, — говорил он с отчаянием. — Всю неделю она снится мне и умоляет освободить ее.

— Вы любили ее? — спросил Бернарди.

— Я не знаю, — признался тот. — Может это юношеская влюбленность. Она никогда не обращала на меня внимания, она крутила с этими, с музыкантами... И еще с толстым колонистом.

— В каком виде она вам снится?

— Она плачет, — сказал Вильд, вздохнув. — Она говорит, что никакой чумы у нее нет, что Эркин... Извините, Джой, но во сне она говорит, что вы ревновали ее, что вы хотели от нее чего-то мерзкого, а она отказалась, вот вы ее и упрятали.

Эркин покраснел.

— Это чудовищная ложь!

— Вас никто не обвиняет, Джой, — сказал капитан.

— В конце концов, Бернади все может проверить, — заявил Эркин. — Мне кажется, что я еще сильно смягчил диагноз.

— Какие у вас на то были основания? — спросил Бернади.

Эркин вскочил.

— Я так и знал!.. Я знал, что теперь все будут тыкать в меня пальцами!.. Что ж, если хотите, вскрыйте капсулу и убедитесь сами!..

Он выскочил из собственного кабинета, хлопнув дверью.

Капитан с Бернади переглянулись.

— Его тоже надо изолировать? — спросил капитан.

— Этим вы ничего не добьетесь, — вздохнул Бернарди. — Боюсь, капитан, на вас накатывается нештатная ситуация.

— Мятеж на борту? — улыбнувшись, спросил капитан.

Вильд, переводивший взгляды с одного на другого, счел возможным вмешаться.

— Свободно, — сказал он. — Из-за Ядзи половина пассажиров свихнулась.

— Это вне логики, капитан, — сказал Бернарди. — Самое страшное в этих заболеваниях, это страх. Он сводит с ума. Люди начинают ненавидеть друг друга.

Капитан поднял голову.

— Вильд, — сказал он. — Ступайте в ресторан и постарайтесь не взвинчивать народ своими переживаниями.

Вильд Бауэр вышел, и капитан повернулся к Бернарди.

— А теперь ответьте мне честно, Энрико. Вы верите в то, что эти люди в Центре Космофлота думают о нас?

— Я верю, — сказал Бернади, — что они приложат все усилия. Но я боюсь, что их усилий будет недостаточно. Процессы психологического разложения уже начались.

— Это можно назвать последствиями чумы?
Бернарди вздохнул.

— Пока я не могу сказать ничего определенного, капитан. Кроме того, что ваш доктор на грани срыва.

— Я это заметил, — буркнул Головко.

— Будем надеяться на лучшее, — сказал Бернарди со вздохом.

4

Жизнь корабля протекала в томительных поисках достойного занятия для членов экипажа и пассажиров. Фред Дениер организовал было спортивный турнир на бильярде, но штурман Том Онго так легко всех побеждал, что отбил охоту к состязанию. Неожиданно вошло в моду гулять по коридору служебного горизонта, где находился «Бокс-А», и это называлось «навестить Ядзю». Многие утверждали, что эти прогулки давали несомненный психологический эффект встречи. Было замечено, что некоторые из прогуливающих останавливаются у дверей бокса и что-то говорят. Капитан распорядился поставить там караул из членов экипажа.

Но скоро события вновь обострились, и причиной тому опять же оказалась яйцевидная капсула в «Боксе-А». Само наличие караула оказалось узлом возбуждения, то и дело там собирались компании и вели нескончаемый

разговор о Ядвиге. Вспоминались все ее выходки, фразы, поступки. Она многим в шутку гадала, и вот теперь все принялись вспоминать содержание ее пророчеств, почему-то вдруг увидев в этом некую прозорливость. Страхи и сомнения только умножились. Уже через неделю возникло первое предложение раскупорить капсулу, чтобы этим решить все сомнения, но тогда оно еще вызвало общий протест. Прошло еще время, и трое пассажиров связали караульного, и около часа возились в боксе с капсулой, так ничего не сумев открыть. Все трое были отправлены под арест, но вскоре на корабле стала формироваться идея всеобщего голосования по вопросу о вскрытии капсулы.

Капитан Головко понял, что нужны решительные меры. Служебный горизонт был закрыт для посещения пассажирами, а на дверь «Бокса-А» был поставлен персональный замок, реагирующий исключительно на личный код капитана. Он собирался ввести на корабле чрезвычайное положение, но компьютер каждый раз уведомлял его, что для этого пока нет законных оснований.

Ситуация обсуждалась на совете у капитана, где присутствовали Фред Дениер, штурман Том Онго, доктор Эркин и Бернарди.

— Я то считаю, что мы должны действовать

по уставу, — утверждал штурман. — Загнать всех по каютам, и ждать приказа.

— Состояние людей не позволяет изолировать их, — вздохнул Эркин. — Они все на грани срыва.

— Я хотел бы знать, — сказал капитан. — Этот кризис порожден ситуацией, или он генерирован искусственно.

Все изумленно глянули на него.

— Откуда такие подозрения, капитан? — спросил Фред. — Снова, теория заговора?

— Конечно, легче всего сослаться на недобрую волю неизвестных негодяев, — усмехнулся Бернарди. — Увы, я не могу себе представить таких негодяев.

Капитан вздохнул.

— Тут есть ряд несовпадений, господин Бернарди, — сказал он. — Мы все знаем, что инпаты зарождаются, как правило, в темных территориях, в процессе освоения новых пространств. Но «Вольный стрелок» шел по курсу, где ходят сотни кораблей обитаемой зоны. И эта девушка, как я понял, не из числа открывателей. Где она могла подцепить чуму?

— Где? — повторил вопрос Эркин.

Капитан глянул на него.

— Я не поленился проанализировать ее биографию, — сказал он. — Наша прелестная цыганка, наша искательница приключений,

является офицером Всевидящего Ока.

Всевидящее Око, организация духовной безопасности, действующая под эгидой Синедриона, не относилась к числу авторитетных учреждений, и потому заявление капитана не произвело большого впечатления.

— И что? — спросил штурман. — Думаете, ее заразили церковники?

— Она восемь лет работала в лаборатории по исследованию дионисийских оргий, — сказал капитан. — Мне кажется, это явление патологического характера, не так ли, Энрико?

Бернарди кашлянул.

— Не совсем так, капитан, — чуть усмехнулся он. — Дионисийские оргии, это форма древних медитаций. Ничего особенного, если именно это вас беспокоит.

— Я вспомнил, — сказал Фред. — Она прекрасно исполняла танец вакханки.

— Вряд ли это имеет отношение к нашим проблемам, — сказал Бернарди. — А что касается заражения инпатами, капитан, то там бывают самые удивительные причины...

Совет этот закончился безрезультатно.

Напряжение разрядилось, когда, наконец, пришел ответ из Центра. Во-первых, это ясно означало, что диалог с Центром не оборван, что их слышат и о них думают, а во-вторых, им шли

навстречу. Рейдер «Вольный стрелок» направлялся на посадку в отдаленную колонию Пальма, где экипаж и пассажиры могли пройти «реабилитационное исследование» и дожидаться компетентной комиссии для решения своей судьбы. Напряжения и безысходности сразу поубавилось.

Новость переполошила всех.

— Я знаю эту колонию, — объявил Коен Фергюсон. — Это забавное собрание филантропов и чудаков. У них водятся туземцы, всякие гуманоиды, и они пытаются их просветить. Это все равно, что обучать грамоте мартышек! Но это очень далеко.

— Все происходит так, как я говорил, — не сдавался Глюк. — Нас бросили на дальнюю планету, чтобы навсегда забыть там.

— Глупости, — возражал Бернарди. — Если бы опасность сохранялась, никому бы и в голову не пришло направлять нас на обитаемую планету. Это было бы вопиющим нарушением Соглашения Разумов.

Спорили об этом опять до хрипоты, но направление споров уже было иное, и можно было констатировать, что кризис прошел.

Капитан Головка и сам испытал немалое облегчение, но виду не показал. Переход действительно предстоял долгий, и они с Томом Онго занялись прокладкой курса, отойдя от

общественной жизни корабля. Команда, у которой тоже появилось дело, также отвлекалась от разговоров, сплетен и споров, что не могло не оздоровить общую обстановку. На третий день был объявлен старт, и под этим предлогом капитан наконец разогнал всех пассажиров по каютам.

— Всегда бы так, — сказал Том Онго перед пуском генераторов.

И они со вздохом облегчения вошли в транспортный режим.

Бортовой архив дал сведения о Пальме: колония малого масштаба, население около пяти тысяч человек. Этнографическая экспедиция Сириусского университета, консульство, медицинские и культурологические учреждения. Имелось местное население низкого уровня развития, гуманоидная раса, с которой был налажен информационный контакт. Собственно, эти туземцы и являлись смыслом существования колонии на Пальме. Название же планете было дано вовсе не по наличию пальм, а по фамилии первооткрывателя, капитана Аугустино Пальма.

Поначалу никто не мог понять, почему «Вольный стрелок» был направлен именно туда, где пять тысяч человек заняты культурологическим контактом, но когда капитан Головко сформулировал это свое непонимание в качестве вопроса для бортового компьютера, последовал

исчерпывающий ответ. За последние пять лет несколько кораблей Космофлота, подозреваемые в заражении инпатами, направлялись на Пальму, где получали помощь. Головко перепроверил эту невероятную новость: так оно и было! Компетентные комиссии лишь подтверждали полное выздоровление экипажей. Подробности лечения не сообщались.

Головко срочно вызвал Бернарди и рассказал ему обо всем, что узнал из архива.

— Этого не может быть, — сказал тот. — Если там действительно произошло исцеление «звездной чумы», это должно было бы стать сенсацией для всего мира! Но об этом нигде нет ни слова.

Капитан предложил ему перепроверить информацию, и Бернарди немедленно этим занялся. Он выяснил, что экипажи всех перечисленных кораблей списаны из состава Космофлота, но все по собственному желанию. Некоторые из этих людей поселились в колонии Пальма, но остальные расселились по Обитаемой Вселенной очень свободно, то есть режима секретности для них не создавалось. Диагноз «звездной чумы» и других инпатов во всех случаях был признан ошибочным.

— Я не понимаю, — заявил Бернарди. — Если это открытая архивная информация, то почему об этом не кричат все?

— Я подозреваю, — сказал капитан, — что это все же закрытая информация. Возможно, полученное распоряжение из Центра открыло нам ее.

— А если она закрыта, — сказал Бернарди, — то почему?

Впервые видя его таким возбужденным, Головки усмехнулся.

— Успокойтесь, доктор, — сказал он. — Вполне возможно, что там действительно имели случаи ошибочные диагнозы. Рассмотрев наши материалы в Центре также определили сомнительность нашей «чумы», вот и направили на выявление истины.

Бернарди посмотрел на него удивленно.

— Вы сами верите в то, что вы говорите, капитан? Вам ли не знать правил карантина! Увы, все сомнения в таких случаях трактуются всегда в сторону опасности, и никому бы в голову не пришло перепроверять диагноз инпата в населенной колонии. Нет, капитан, тут что-то другое.

— В любом случае, — сказал капитан. — Мы это скоро узнаем.

Сначала они долго плыли на лодке по узкой речке, почти полностью укрытой растительностью, и в воздухе стоял звон насекомых, а на берегу то и дело виделись туши местных бегемотов и крокодилов. Речка петляла, но Тимоти Кохнер, сидевший на управлении, вел лодку уверенно.

Обернувшись, он глянул на Геллера и улыбнулся.

— Жуткое место, не правда ли?

Епископ Геллер только кивнул ему головой, чтобы он смотрел вперед. Он хорошо помнил, как изменился в лице этот бахвалистый паренек, когда епископ показал ему знак Всевидящего Ока. От его нагловатой иронии и следа не осталось, чуть в ноги не бухнулся.

Оставалось только удивляться, как легко было подчинить даже современного образованного человека магическому влиянию Тайны. Может это оттого, что в нынешнем, чрезмерно прагматическом мире человек нуждается в налете романтики? Ну, казалось бы, что такое это пресловутое Всевидящее Око, ведь не более, чем оперативная группа при Синедрионе, но вот, прикоснулась к делу Тайна, и вырастает какое-то мистическое могущественное общество, распустившее свои щупальца в самые разные стороны жизни. Отдельному человеку

достаточно легенды и тайного знака, предметной принадлежности к Тайне, и вот он уже сам дорисовывает себе необходимое, и девять десятых происходящих событий трактует, как неусыпную деятельность тайного общества. И пусть трактует, пусть исполняет как можно больше непонятных и загадочных действий, — а епископ знал, что только ради этих маскировочных акций существует целый отдел инструкторов Всевидящего Ока, — тем более он укрепляет в себе загадочную силу Тайны.

Во всяком случае, здесь это пригодилось, значит, это необходимо. Епископ Геллер и сам не был близок к верхушке Всевидящего Ока, а если и оказался в его руках Знак, то это лишь ради важности поручения. Он оказался втянут в серьезное дело, и Всевидящее Око оказало ему свою поддержку, не без давления Синедриона, конечно.

Потом лодка причалила к невысокому берегу, заросшему зеленью, и Тимоти Кохнер сказал:

— Это здесь, епископ. Прыгайте на берег, я буду вытаскивать лодку.

Епископ легко спрыгнул на берег и осторожно поднялся повыше. У него на плече висел парализатор, обязательное оружие при работе в лесу, но он совершенно исключал возможность его использования, и потому проявлял осторожность.

Тимоти поднял лодку и вышел вперед.

— Пойдемте за мною.

Он смело шагнул в заросли, и Геллер двинулся за ним. Здесь оказалась какая-то тропа, которую сам он ни за что не нашел бы, но двигаясь за Тимоти уже начинал различать. Шагать среди зарослей было нелегко, и потому Тимоти не особенно торопился, то и дело оглядываясь. Он еще задавал какие-то вопросы, но епископ отвечал односложно, и Тимоти понял, что тому не до разговоров.

Они вышли из прибрежных зарослей, перешли по мостику небольшой ручей и вошли в лес, где деревья пошли уже пореже, были выше и стройнее, да и кустарники уже не так зверствовали. Епископ отдышался, и Тимоти снова заговорил:

— Вы что-нибудь знаете об этом парне, Витольде Блюме?

— Нет, — сказал епископ. — Кто это?

— Он первый добрался до Болота Теней. Его здесь убили. Не может быть, чтобы вы не знали, об этом шумели в Совете Разумов, да и до Синедрiona, конечно, дошло.

— А почему это коснулось Синедрiona?

Тимоти глянул на него чуть неуверенно.

— Его убили как-то по-особому. Вырезали сердце, и... и другие органы. Мы решили, что это магия, да и отец Феофан сказал, что это возможно. Мы очень переживали, но приехала комиссия,

поговорила с туземцами, и все сошло за рецидив диких каннибальских обычаев. Глупо ведь судить людей за обычай.

Епископа передернуло.

— Они каннибалы?

— Нет, но они не считают это преступлением.

— Зачем вы мне все это рассказываете?

Тимоти остановился и сказал шепотом:

— Потому что есть очевидцы, которые встречали в Болоте тень, похожую на Блюма.

Он произнес это с суеверным ужасом, но епископ только фыркнул и пожал плечами.

— А что говорит об этом отец Феофан? — спросил он с сарказмом.

— Считает это бреднями.

Епископ улыбнулся.

— Это тот редкий случай, когда я согласен со стариком. Идемте дальше, Тимоти.

Потом они долго шли на подъем, и Тимоти говорил:

— Это Болото представляет собою кратер вулкана. Вы слышали, чтоб в кратере вулкана возникало болото? Это невозможная вещь!

— Послушайте, Тимоти, — сказал епископ. — Если вы хотите меня запугать, то напрасно. Я пойду до конца.

Тимоти смущенно покраснел.

— Нет, нет, я просто хотел объяснить вам,

куда вы идете, вот и все! Смотрите, вон они...

На дереве сидел фиолетовый туземец с раскрашенным лицом, и внимательно за ними следил. Двое других, тоже фиолетовых, стояли с копьями на тропинке. Остановившись в пяти шагах от них, Тимоти поднял вверх обе руки.

— Мне тоже? — спросил епископ.

— Нет, просто стойте и не двигайтесь, — сказал Тимоти тихо.

Один из туземцев подошел ближе, и они с Тимоти обменялись несколькими фразами.

— Идемте, — сказал Тимоти, и они пошли за туземцем по тропе.

До следующего поста они шли еще около километра, и там стояло некое подобие деревянного дома. Оттуда выскочили еще несколько туземцев с копьями и принялись о чем-то возбужденно гомонить между собой. Один из них наконец убежал в дом, а Тимоти объяснил епископу:

— Они не любят, когда наши ходят в Болото. Но я отвечал им то, что вы сказали, и это действует.

Из дома вышел какой-то местный начальник, на котором кроме обычных тряпок был еще головной убор из пятнистого меха. Он опять заговорил с Тимоти, и тот обескуражено произнес:

— Он требует, чтобы я ушел. Что мне делать, епископ?

— Исполнять его требование, — сказал

Геллер.

— Но как вы будете с ними общаться? Они же тут совсем дикие, ни слова не знают на нашем языке!

— Ступайте, — сказал епископ. — Ждите меня у лодки. Я думаю, кто-нибудь из них отведет меня назад.

— Как знаете, — сказал Тимоти, повернулся и пошел по тропинке назад.

Туземец, сопровождавший их, пошел за ним следом.

Как только они скрылись, туземец в мохнатой шапке подошел к епископу и заговорил на Галактическом коде:

— Вы тот, кого ждет Промыслитель?

— Да, — ответил епископ.

— Вы должны произнести ключевую фразу.

— Да будет свет, — сказал епископ.

— Прекрасно. Пойдемте, нас уже ждут.

По другую сторону домика стояло некое подобие носилок с креслами, и туземец с епископом сели в них. Восемь разукрашенных воинов подхватили носилки и понесли по тропе среди деревьев.

— Я ожидал вас три дня, — сказал туземец.

— Я очень долго добирался, — отвечал епископ. — И потом, надо было думать о соблюдении тайны.

— Я всего лишь исполнитель, — сказал туземец. — Но я слышал, что речь идет о призыве к Большой Рыбе. Это так?

— Будет лучше, — сказал епископ, — если вы узнаете это от самого Промыслителя.

Туземец насупился и замолчал.

Геллеру показалось, что прошло немало времени, пока они добрались до Болота, но там, глянув на часы, он обнаружил, что они передвигались не более получаса.

Внешне Болото не представляло собою чего-то феноменального. В густом тумане неясно различались какие-то заросли, но выше тумана уже поднимались горы, и от того Болото казалось небольшой лужицей. Геллер почувствовал некоторое разочарование.

Встречавший его туземец взял у одного из воинов короткое копьё и протянул один конец епископу.

— Держитесь за копьё и идите за мной.

— По воде? — не понял Геллер.

— Тут проложена дорога.

Они ступили в мутную воду, и епископ почувствовал, как под его ногами чуть прогибается деревянный настил. Воины остались на берегу, и лишь туземец в меховой шапке шел впереди и вел за собой Геллера.

Вскоре туман обступил их плотным облаком,

и только смутные тени низких деревьев и кустарников возникали неподалеку и пропадали по мере их движения. Геллер почувствовал, как страх проникает в него, и, сунув руку в нагрудный клапан, включил обогрев костюма.

Наконец они вышли к деревянному дому на сваях, поставленному посреди Болота, и туземец, остановившись, сказал:

— Теперь ступайте прямо. Вас там ждут.

Епископ пошел, стараясь не думать о том, что с ним случится, если он ступит мимо спасительного настила. Вскоре он уже поднимался по лестнице на террасу дома, и только тогда заметил там двух воинов с копьями. Один из них почтительно открыл перед ним дверь дома, и он вошел.

Там оказалось неожиданно светло илюдно. Посреди комнаты стояло возвышение, на котором сидел, скрестив ноги, неожиданно белый туземец, а вокруг него в тех же позах сидели еще несколько уважаемых старейшин и жрецов. Это были члены Высшего Духовного Совета планеты, и они собрались здесь для того, чтобы встретиться с представителем Синедриона.

— Здравствуйте, — произнес епископ на галактическом коде. — Я приветствую вас, высокоумудрые отцы! Меня привела к вам воля Всевидящего Ока Синедриона Единого Духа. Да будет свет!

— Наконец-то, — произнес один из сидевших старейшин, подняв в приветствии руку. — Мы вас ждали, господин Геллер!

Он говорил на чистом земном языке.

— И прошу вас прекратить это щелканье, — добавил он дружелюбно. — Мы знаем ваш язык лучше, чем Галактический код. В конце концов, наше вхождение в цивилизацию происходило с помощью вашего языка. Прошу вас, садитесь!

Общий гомон приветствовал Геллера, пока он проходил к приготовленному для него деревянному креслу. Проходя мимо туземца, сидевшего на возвышении, Геллер вежливо поклонился ему, но тот не отреагировал, разглядывая гостя, как предмет.

Епископ заговорил первым:

— Я вижу, вы меня ждали. Тем лучше. Перейдемте сразу к делу, господа! Итак, подтверждаете ли вы ваше принципиальное согласие на эксперимент, выраженное вашим представителем на Синедрионе?

— Давайте сразу определимся, — сказал кто-то из сидевших. — Мы действительно является хранителями последования, но было бы неправильно называть нас единственными совершителями этого уникального и очень опасного духовного акта.

— Да, да! — подхватил другой. — Давайте

поделимся ответственностью, господин Геллер. Когда Большая Рыба вынырнула в последний раз, мы были отброшены в развитии на целую эпоху!

— Конечно, — кивнул Геллер. — В последовании будут задействованы самые различные силы, представители разных цивилизаций, и инициатором акции является Синедрион. Это так. Но я должен признать, что предыстория этого вопроса мне мало известна. Так что произошло, когда Большая Рыба вынырнула в последний раз?

После некоторого молчания ему ответили с другой стороны:

— Это долгая история, епископ. Наши предки заповедали нам остеречься от повторения акта. Но теперь возникает обоснованное предположение, что в совершении акта были нарушены опорные условия, что и вызвало катаклизм.

— Значит, вы готовы?

— Мы слишком дорожим нашим участием в деятельности Совета Разумов, чтобы отказываться от вашего предложения. Но вся ответственность в этом случае ложится на инициаторов.

— Но если это опасно, то вы должны предупредить нас! — воскликнул Геллер.

Туземец, сидевший почти рядом с ним, глянул на него своими неморгающими рыбьими глазами.

— Это опасно, — сказал он холодно. — Вы

отказываетесь?

— А в чем заключается опасность?

— Увы, — сказал другой. — Мы этого не знаем.

Тут наконец в беседу вступил глава совета, белый туземец, сидевший на возвышении.

— Довольно, — произнес он скрипучим голосом. — Мы идем на это, потому что духовная жизнь на Пальме угасает. Вы приготовили человека, Геллер?

Как только он заговорил, все те, что сидели вокруг него, немедленно склонили головы и затихли.

— Да, Промыслитель, — отвечал епископ. — Это женщина.

— Она получила достаточный заряд?

— Да. Волхвы Паркса удостоили ее чести Великого Прикосновения. Сидиенские колдуны возложили на нее свой Жезл. Тройка аджурских ведьм совершила вокруг нее танец. По всем расчетам этого более, чем достаточно для жертвы.

— Где она сейчас? — спросил Промыслитель.

Епископ глянул на часы, кивнул и сказал:

— Она уже на Пальме.

Когда появились первые сигналы посадочной площадки на Пальме, капитан Головко сформулировал согласно карантинному правилу кодовое сообщение о ситуации на корабле и передал диспетчеру. В ответ тот вышел на открытую связь.

— Рейдер «Вольный стрелок»! — запросил он. — Можете говорить открыто. Что там у вас?

Капитан Головко мысленно обрубил все лишние слова в предполагаемом ответе.

— Звездная чума, — сказал он.

— Ага, — сказал диспетчер. — И сколько у вас больных?

— Один... Одна девушка.

— Понятно, — сказал диспетчер. — Можете успокоиться и расслабиться. У нас тут курорт, где инпаты отпадают автоматически. Думаю, ваша девушка тоже не залежится. Даю пеленг посадки.

Пилот принял пеленг, и капитан дал команду идти на посадку.

— Это мне нравится, — пробурчал он. — Инпаты у них отпадают!

— Мало ли, — сказал пилот. — Может здесь действует какой-нибудь природный феномен. Я, например, слышал, как один чудака лечил инпаты шампанским.

— А потом они лечились от алкоголизма? — хмыкнул Головко.

— Может тут какое-нибудь влияние туземной культуры, — предположил штурман. — Музыка, живопись...

Капитан не стал это обсуждать.

Рейдер вышел из транспортного режима в пространственное расположение, оказавшись сразу на высокой орбите. Посадка такого корабля при всей надежности техники требовала особого внимания, и капитан объявил по кораблю готовность. Корабль перешел на низкую орбиту, быстро теряя пространственную скорость, а затем вошел в слои атмосферы. Расчет траектории был произведен с ювелирной точностью, и корабль, не тратя ни эрга дополнительных усилий на коррекцию курса, вышел на космодром Пальмы и завис над посадочной площадкой. Медленно и аккуратно пилот посадил громаду десантного рейдера на площадку, где неподалеку стояли каботажные кораблики и прочая мелюзга.

— Есть посадка, — сказал пилот. — Порт-Пальма, 12 июня, четырнадцать ноль три бортового времени. Как поняли?

— Принял, — сказал в ответ диспетчер. — Красиво смотрите. Я послал к вам аэробус.

— Минутку, — вмешался капитан. — Диспетчер, мы неоднократно докладывали о

карантинном режиме. Будет с вашей стороны реакция на это, или нет?

— Нет проблем, капитан, — сказал диспетчер. — Вас встретят и все объяснят.

— Значит, у вас отменены карантинные инструкции?

— По части инпатов, — да, — сказал пилот. — Поторопитесь, вас уже ждут.

Головко объявил по кораблю о прибытии и пригласил всех к выходу. Такой степени свободы никто не ждал, и по кораблю прокатилась волна восторга. Люди торопились покинуть замкнутое пространство корабля.

Корабельный инженер Микаэль Хадсон, остававшийся на корабле вахтенным офицером, зайдя в рубку, спросил:

— Может, сразу и капсулу откроем, раз тут такой рай?

— Не говорите глупости, — буркнул капитан. — Пусть у них там творится что угодно, а на корабле сохраняется карантинный режим. Имейте это в виду.

— Есть, капитан, — отозвался Хадсон.

Первыми из шлюзового люка с визгом выскочили музыканты.

— Что за дивный мир! — воскликнул Эдвин Хин. — Я приветствую тебя!

— Папаша, вы не боитесь «звездной

чумы»? — тотчас напустился на водителя автобуса Вильерс. — У нас тут симптомы...

— Не боюсь, — буркнул водитель недружелюбно.

— Бульдога не выпускать! — закричала Леата. — Он хотел на всю жизнь остаться на корабле, пусть и остается!

— Дуреха! — отозвался Глюк. — Мы же навсегда останемся здесь, ты еще не поняла? Это, наверняка, какой-нибудь приют для помешанных, куда сбрасывают всякую шваль, вроде нас, со всей Вселенной.

— Да уж верно, — буркнул водитель. — Таких у нас еще не было.

Капитан Головка спустился по трапу последним, отдав распоряжение вахтенному.

— Все, — сказал он водителю. — Можно трогать.

Автобус взмыл в воздух, и через минуту они уже приземлились на верхней площадке вокзального здания, где их действительно уже ждали несколько человек.

— Рад приветствовать вас на Пальме, — встретил их консул Рокуэлл де Лей. — Будем надеяться, что этот визит принесет вам пользу.

С ним был врач инпатолог, начальник порта, и еще один человек, представившийся по имени — Дирк Сто-Гоули. Прежде всего, их разместили в

портовой гостинице, после чего капитана Головко, врача Эркина и Бернарди пригласили для отдельного разговора.

В кабинете начальника порта были только консул, врач и все тот же Сто-Гоули. Эркин передал врачу дискету со всей информацией по болезни Ядвиги, и в общих чертах рассказал обо всех своих действиях, начиная с первого обнаружения симптомов, после чего капитан и Бернарди дали свои комментарии к происшедшему. Слушали их очень внимательно, и, судя по вопросам, которые им задавали, их компетенция была принята без сомнений.

— Это похоже на «звездную чуму», — согласился врач. — Меня только беспокоит, что никто не заразился.

— Тем более удивительно, что вы относитесь к этому так легкомысленно, — заметил капитан Головко.

Консул де Лей рассмеялся.

— О, нет, капитан, мы вовсе не так легкомысленны. Просто Центр отработывает на нас практику борьбы с инпатами. У нас их лечат.

— Да, у нас есть специалисты, — подтвердил Дирк. — За последний год мы приняли двенадцать кораблей, на некоторых было до десятка инфицированных. И все они вернулись к жизни.

— Данные в архиве подтверждают вашу

информацию, — кивнул капитан. — Правда, там другие цифры.

— Вы, вероятно, смотрели данные по Космофлоту, — понимающе кивнул Дирк. — А нас посещают представители самых различных цивилизаций. Два раза, вот, Рокуэлл не даст соврать, это были разумные существа, неизвестные нашему Каталогу.

Головко переглянулся с Бернарди и покачал головой. Тот в ответ только усмехнулся.

— Как же вы с ними контактировали?

— Без проблем, — ответил консул. — Их уровень был значительно выше нашего.

— Прекрасно, — сказал капитан Головко, не желая вступать в спор. — Где же ваши специалисты? Я бы хотел, чтобы они поскорее занялись нашим случаем.

Тут переглянулись уже Дирк с консулом.

— Тут есть сложность, — сказал врач. — Видите ли, наш главный специалист по этому вопросу отец Феофан, а его зовут именно так, проживает неблизко. Обычно пациенты добираются к нему сами.

— Отец Феофан? — переспросил Эркин.

— Вы хотите, чтобы мы разблокировали Ядвигу? — удивленно спросил капитан. — Это невозможно!

— Почему? — спросил Дирк.

— Я никогда не это не пойду! — решительно заявил Головко.

— Но почему? — опять спросил Дирк. — Мы же гарантируем вам, что никакой инфекции не случится.

— Я сам был свидетелем гибели Форт-Диона, — отвечал Головко. — Там от «чумы» вымерла колония в полторы тысячи человек. Я не могу рисковать, извините.

— Почему у него такое странное имя? — продолжал интересоваться Эркин.

— Но тогда надо будет вам самим отправиться к отцу Феофану и просить его прибыть на ваш корабль, — сказал Дирк. — Я не убежден, что у него найдется для этого время в ближайшие дни.

— То есть, как? — не понял Головко. — Разве лечить людей, это не есть его обязанность?

Дирк вздохнул.

— Да, вы правы. Но пациентов у него больше, чем вы предполагаете. Вам придется все же отправиться к нему.

Капитан кивнул.

— Я готов.

— Но почему же все-таки он *отец*? — настаивал Эркин.

Консул виновато усмехнулся.

— Дело в том, что он христианский

священник. Даже монах.

— Монах?! — поразились все
новоприбывшие.

— Вы хотите сказать, что он религиозный
служитель? — уточнил Бернарди.

— Да, — кивнул Дирк. — Собственно говоря,
он миссионер. Обращает в христианство местных
жителей.

Новоприбывшие невольно рассмеялись.
Христианские миссионеры располагались по их
мнению где-то на первых страницах учебника
истории.

— Вы шутите, — сказал Эркин.

— Нет, мы не шутим, — возразил Дирк. — И
какое вам собственно дело до его профессии?
Важно то, что он лечит инпаты. Не так ли?

Головко с Бернарди переглянулись.

— Последний жрец, с которым я имел
дело, — сказал с улыбкой Бернарди, — лопал
ядовитые грибы и прогнозировал войну на Абионе.
Это было лет десять назад.

Головко хмыкнул.

— Мы едем или нет? — спросил Дирк чуть
раздраженно.

Головко поднялся.

— Едем, конечно. Надеюсь, он не заставит нас
лопать ядовитые грибы.

Вездеход мягко скользил на гравитонной подушке в метре от поверхности дороги, вившейся среди леса. Дирк объяснил, что туземцы очень плохо реагируют на летающие аппараты, это было связано с какими-то мифологическими запретами, и специалисты этнографической экспедиции провели решение о запрещении высоких полетов за пределами колониального поселения. Лишь для особых случаев допускались полеты на больших высотах, но разрешения на них давались редко. Скорость машины была приличной, и хотя автоматика внимательно следила за дорогой, водитель все же был настороже.

Вокруг был невысокий равнинный лес с редкими выступами древесных исполинов, видных издали. Где-то в стороне маячили горы и над ними собирались тучи. Дорога под вездеходом представляла собой хорошо протоптанную пешеходную тропу, но вдоль нее стояли сигнальные столбики для автоматики. В стороне мелькнул поселок из нескольких домиков, слишком уж современных для здешних мест, и капитан Головки вопросительно посмотрел на Дирка.

— Да, — кивнул тот. — Это наша работа. В этом поселке работает наша школа, и даже что-то вроде университета для туземцев. Впрочем, их

приходится заманивать сюда обещаниями различных благ и возможностью побывать в цивилизованном мире. К знаниям у них влечения мало.

— Что это вообще за социальный тип? — спросил Бернарди.

— Угасающая звезда, — ответил Дирк. — Судя по всему, это была мощная биологическая цивилизация, о ней даже есть упоминание в мифологии соседних миров. Что-то произошло здесь, отчего они превратились в диких туземцев. Живут семьями, родами... Есть кое-какие социальные образования, вроде Феофании — государства крещеных туземцев, но наши специалисты относят это к культурному вмешательству. На противоположной стороне планеты все много загадочнее и интереснее, но там мы проявляем меньше активности.

— Культурное вмешательство? — переспросил Бернарди. — Это ваше влияние, да?

— Это влияние отца Феофана, — сказал Дирк.

— Как же вы ему позволили?

Дирк пожал плечами.

— Он появился здесь лет сорок назад, когда здешняя цивилизация проходила у нас по классу зарождающегося разума. Никто из чиновников не понял, что такое «просветительская миссия», и его запустили, как учителя. Через несколько лет он

прислал отсюда культурологический анализ, и только после этого сюда прислали экспедицию. Менять что-либо было уже поздно.

— Значит он — культуролог?

— Он священник, — сказал Дирк. — За время своего проживания он обратил в свою веру несколько десятков тысяч туземцев. Он усмирил вековую вражду здешних родов и благодаря его влиянию возникла страна Феофания, стабилизирующее значение которой несомненно.

— Феофания, — усмехнулся Головка. — Это в его честь?

Дирк не успел ответить, так как повернувшийся водитель сказал:

— Там на дороге стоит фиолет и машет рукой.

Они остановили машину рядом с туземцем фиолетовой масти, одетым в грубую серую ткань и перепоясанным веревкой. Глаза у него были узкие, но рот тянулся от уха до уха.

— Здравствуйте, привет банна, — просипел он. — Фафания ехать, меня возить, да?

— Ты кто такой? — спросил Дирк. — Что-то я тебя не помню.

— Уоай, банна! — воскликнул туземец. — Ты банна Стогли, твоя жена в наш дом жил-жил, ты за ней приезжал, подарки делал.

— Ах, ну да, — пробормотал Дирк. — Припоминаю. Род Уору, не так ли? Как подивает

почтенный Фути Бу-Уору?

— Фути-ца умирает, — сказал туземец. —
Зовет Фафан быстро-быстро. Соборовать надо.

— Заболел? — переспросил Дирк. — Почему
же вы не вызвали врача из Центра?

— Не заболел, — поправил его туземец. —
Умирает. Скоро ехать надо.

— Езжай, Пит, — сказал Дирк и машина
тронулась дальше.

Туземец с достоинством уселся на свое место
и замер, ни на кого больше не обращая внимание.

— Этот Фути, — сообщил Дирк друзьям. —
Старейшина дома, верный ученик отца Феофана. У
него очень своеобразная космогоническая теория,
адаптированная под библейский миф. Моя жена
просто в восторге от него.

— И все же это вмешательство, — сказал
Бернарди. — Я не могу понять, почему к этому
относятся так снисходительно. Культурное
вмешательство на межпланетном уровне всегда
считалось преступлением.

— Это не совсем так, — вздохнул Дирк.

Бернарди рассчитывал на более пространственный
ответ, и не дождавшись его, только пожал плечами.
Туземец, сидевший рядом с водителем, наконец,
повернулся к ним и сказал, радостно улыбаясь
своим огромным ртом.

— Банна едет в гости Фафану? Скоро

большой праздник, да?

— Какой праздник? — не понял Головко.

— Троица, — сказал туземец. — Большая престола, да? Соберется много вождей.

Дирк покачал головой.

— Как я мог забыть! Это может нам помешать, — сказал он. — Отец Феофан чрезвычайно неуступчив в вопросах богослужения.

— У нас проблемы серьезнее его богослужения, — сказал Головко. — В конце концов, под вопросом судьба всего экипажа!

— Вы ошибаетесь, если думаете, что это его убедит, — сказал Дирк. — И вообще я сразу прошу вас оставить этот тон, капитан Головко. У отца Феофана совсем иная шкала ценностей, и вы должны это учитывать. Инпаты он считает следствием всеобщего заблуждения, и соглашается лечить их только в случаях непосредственной опасности для жизни.

Головко снова переглянулся с Бернарди, и тот хихикнул.

— Что касается меня, — сказал Эркин. — То я готов молиться.

Дорога совершила большой поворот вокруг высокой, поросшей лесом горы, скользнула по мосту над небольшой речушкой и вышла на берег красивого озера. Все ахнули, когда гладь воды открылась им после поворота.

— Уну-Раката, — сказал Дирк. — Святое озеро. Оно было проклятым, когда здесь появился отец Феофан, и туземцы боялись его больше смерти. Но он сумел преодолеть древнее проклятие, и теперь здесь осуществляется практически промышленный лов рыбы.

— Фафан освятил Уну-Раката уже двадцать лет, — добавил с охотой туземец. — На Крещение. Теперь можно плавать.

— Да, — кивнул Дирк. — Но чего это стоило! Там, на острове посреди озера сохранились остатки какого-то древнего капища. Тут чуть война не началась после того, как он там часовню поставил.

— Дикость, — буркнул Бернарди. — Как можно было позволить ему делать это? Там ведь культурные памятники.

Дирк усмехнулся и не ответил.

Обогнув озеро, они скользнули ущельем между небольших гор и оказались в широкой лесной долине. Прошло не меньше получаса, прежде чем они увидели то самое место, куда стремились — Троицкую церковь на холме. Прямо под холмом протекала река, а рядом с церковными строениями расположился небольшой поселок современной архитектуры. Сама церковь была построена из естественного дерева по старинному проекту, с шатровой колокольней и узкими оконцами.

Первое, что увидели гости, когда выбрались из севшей на траву машины, была компания красных мальчишек, которые ловили в церковном дворе небольшую мохнатую собачонку. Некоторых из них появление незнакомых белых людей понудило прекратить забаву и спрятаться за большие бочки, стоявшие у ограды, но другие, наиболее азартные, продолжали с визгом гоняться за собачонкой.

— Что это такое? — рывкнул Дирк.

— Кураку ловят, — с пониманием объяснил приехавший с ними туземец. — Плохой собака. В церковь забежал, лай поднял.

— А ты откуда знаешь?

— Давно забежал. Все знают.

Тут из церкви вышел высокий молодой человек в сером подряснике и закричал на детей:

— Да оставьте же пса, дурачье! Никакой это не кураку, это совсем другой же! Хороший...

Собачонка подбежала к нему, сразу почувствовав в нем защитника, и детвора разбежалась.

— Добрый день вам, — поклонился молодой человек приезжим. — С чем пожаловали, Дирк?

— Познакомьтесь, — предложил Дирк. — Диакон Николай Радченко, первый помощник отца Феофана. Это наши гости, капитан Головки, доктор Эркин и доктор Бернарди.

— Так много докторов? — усмехнулся Николай.

— Я доктор эвристики, — отозвался Бернарди.

— Эвристики? — удивился Николай. — Надо же! Случайно ли не Непальскую школу заканчивали?

— Да! — оживился Бернарди. — А вы откуда ее знаете?

— Я сам там учился, — сказал Николай, улыбнувшись. — У учителя Розена. Замечательный интуитивист.

— Фил Розен! — обрадовался Бернарди. — Это мой хороший приятель. Как же вы здесь очутились?

— Не сразу, — ответил Николай. — Сначала закончил семинарию в Александрии, потом вот... Попал. А академик Хохлов вам знаком?

— Как же! — воскликнул Бернарди. — Еще бы!..

— Это дедушка моей жены, — сказал диакон. — Но мы еще поговорим. Вы по какому делу, господа?

— У них «звездная чума», — сказал Дирк.

Николай заинтересованно оглядел приезжих.

— У всех?

Капитан невольно хмыкнул.

— Единичное заражение, — сказал Эркин. —

Больная содержится в изоляционной капсуле, согласно карантинным правилам.

— Понятно, — кивнул Николай. — Проходите в дом, господа. Батюшка панихиду заканчивает, сейчас появится.

8

Он провел их в крепкий бревенчатый дом, и, входя в комнату, широко осенил себя крестным знаменем, чем сразу поставил всех в неловкое положение. Гости стали переглядываться, почувствовав себя в непривычной среде, где действуют незнакомые законы. Комната, где они оказались, напоминала музей обилием икон, ритуальных вышивок и простой деревянной мебели.

— Устраивайтесь, — предложил диакон. — Никакой «звездной чумы» нет в природе, господа. Батюшка Феофан меня в этом совершенно убедил. Это знаете, как в темноте обычные предметы кажутся чудовищами. Вот и ваша «чума» не более, чем призрак.

— Ну, знаете, — буркнул Головка. — Может, кому-то она и кажется, но от нее погибли тысячи людей.

— А что же тут удивительного, — пожал плечами Николай. — Люди могут убедить себя в

чем угодно. Видите ли, все дело в духовных процессах...

— А как же симптомы? — спросил Эркин. — Тоже кажутся?

— Я не буду вас ни в чем переубеждать, — сказал Николай. — Я тоже, когда летел сюда, трепетал от страшных загадок космоса. Но теперь меня на этом не поймаешь.

Тут в комнату, где они находились, спустилась по лестнице сверху очень милая девушка в длинном платье и в платке.

— Здравствуйте, — улыбнулась она. — Что же ты, Коля, не сказал, что у нас гости? Мне и угостить нечем.

— Это моя жена Люба, — сказал Николай. — Вы не пугайтесь, угощенье найдется. Это наши гости, путешественники, попавшие в беду. Капитан Головки, доктор Эркин и доктор Бернарди. Дирка ты знаешь. Кстати, доктор Бернарди хорошо знает твоего дедушку.

Люба посмотрела с интересом на Бернарди.

— Собственно я... — промямлил тот смущенно.

— Я вас помню, — сказала Люба. — На семидесятилетия деда вы привезли какую-то раковину откуда-то издалека.

— Из Мого-Делеса, — радостно подтвердил Бернарди. — Как это мило, что вы меня

запомнили!..

— Больше раковину, — сказала Люба с улыбкой. — Могу предложить вам на обед Большую Рыбу Ого. Эти уникальные рыбы водятся только в Уну-Раката, и после того, как батюшка вновь открыл это озеро для пользования, там существует целый промысел.

— Непременно попробуйте, — сказал Дирк. — Кухонные рецепты туземцев берут призы на межпланетных ярмарках.

Люба вышла, и Бернади кашлянул.

— И все же, — произнес он. — Я не могу не сказать о смущающем меня сомнении. Не кажется ли вам, коллега, что вы со своей мифологией проявляете агрессию по отношению к девственной культуре местных жителей?

Николай мудро улыбнулся.

— Понимаю ваше сомнение, доктор, и даже где-то разделяю его. Это действительно решительное вмешательство. Не знаю, смог бы я осмелиться на такой подвиг.

— Но как быть с суверенитетом личности? — воскликнул Бернади.

— Это сложный вопрос, — ответил диакон. — Скажу на примере: среди адептов здешней девственной культуры был широко распространен каннибализм. Что я говорю — был! — он продолжает быть нормой отношений суверенных

личностей на половине территории планеты. Можно ли считать недопустимым вмешательством запрещение людоедства хотя бы в рамках Феофании?

Головко усмехнулся, Бернарди пожал плечами.

— Я бы хотел, чтобы вы сразу избавились от штампов, — вступил в разговор Дирк. — Еще раз хочу подчеркнуть, что это вовсе не рядовая младенческая цивилизация, опекаемая Советом Разумов. Туземцы, получившие нужное образование, успешно осваивают самые сложные технологии.

— Тогда тем более, — сказал Бернарди. — Если это древняя самобытная цивилизация, то к чему здесь ваша религия?

Николай озадаченно поднял голову.

— А на Земле она к чему?

— Не знаю, — буркнул Бернарди. — Не представляю.

— Тогда может вам лучше ознакомиться с проблемой на земном материале? — спросил Николай. — Тогда вам будет легче обсудить ее местные особенности.

Бернарди покачал головой, а Дирк рассмеялся:

— Не пытайтесь с ним спорить, доктор Бернарди. За ними стоит двухтысячелетняя практика теологических диспутов.

— Меня больше волнует практическая сторона дела, — сказал капитан. — Когда ваш священник сможет нам помочь? И в какой форме это возможно?

— Ох, не знаю, — сказал Николай. — Последние дни он что-то присмирел, не иначе, к беде. За последний месяц на него уже трижды покушались.

— Как покушались? — ахнули все.

— Естественно, кидались на него с кинжалами, — со вздохом отвечал Николай. — До нас дошло, что Совет Жрецов приговорил батюшку к смерти.

— Почему же вы в Центр не сообщили? — воскликнул Дирк.

— Не успели, — сказал Николай. — Архистратиг своих людей пока поставил, они-то убийц и отловили. Сидят в остроге. Батюшка, понятное дело, просит всех освободить, но архистратиг прощать не желает. У него тут своя политика.

В это время раздался звук шаркающих шагов, и в комнату вошел, поддерживаемый под руку фиолетовым туземцем, седой сторбленный старик с раздвоенной бородой, весь в черном, от рясы до скуфьи на голове. Туземец рядом с ним тоже был облачен в подрясник фиолетового цвета, в тон цвету кожи, и только круглые глаза его отливали

синевой.

— Ого, сколько у нас гостей, — произнес весело старик.

Он снял с головы скуфью и перекрестился на образа, неожиданно легко при этом поклонившись. Дирк поднялся и подошел к нему с поклоном.

— Благослови, отче.

Старик осенил его крестом, положив ему руку на голову, и Дирк представил гостей, робко поднявшихся. Отец Феофан ласково улыбнулся каждому, и прошел к своему стулу с высокой спинкой, сев на него с кряхтением. Фиолетовый туземец стал за его спиной.

— Да вы садитесь, — сказал отец Феофан. — Рассказывайте, что у вас приключилось.

Гости переглянулись. Старик выглядел немощным и усталым, обращаться к нему с просьбой о помощи представлялось невыносимым.

— «Звездная чума», отче, — сказал за всех Дирк, видя их замешательство. — Заболевшая девушка осталась в капсуле на корабле, а на них всех лежит подозрение.

Старик покачал головой.

— Чума — страшная болезнь, — сказал он. — Поверите ли, однажды чуть ли не вся Европа вымерла от чумы.

«Маразматик», — подумал Головка с досадой.

— Речь идет о «звездной чуме», — произнес

он вслух.

— Да, да, — сказал старик. — Я понял. Корабль ваш, значит, в порту остался?

— В порту.

— Значит, до вечера обернемся, не так ли?

— Если вам трудно, то можно и завтра, — сказал Эркин.

— Нет, завтра не выйдет, — покачал головой отец Феофан. — Завтра с утра молебен на озере, потом покойники пойдут, а вечером уже и всенощная. Сегодня надо...

Вошла Люба, внесла поднос с большой рыбой на нем.

— А вот и угощенье, — объявила она. — Благословите, батюшка.

Отец Феофан тяжело поднялся, и прочие тотчас вскочили. Старец произнес благословение, а диакон Николай начал читать:

— Отче наш, иже еси на небесех...

Пока он читал молитвы, да пока отец Феофан благословлял стол и поданную еду, гости стояли, неуверенно переглядываясь, и лишь один Бернарди вслушивался в слова молитв, пытаясь что-то в них понять. После того, как все сели, он спросил:

— Простите, а что это за язык? Знакомый, но вспомнить не могу.

— Древнегреческий, — сказал Николай. — Вообще-то мы на церковнославянском служим, но

тот вы вообще не вспомните, забыт. Для гостей мы на греческий переходим, откуда в современном научном языке половина слов. Потому и знакомым кажется.

Обед был подан на фарфоровой посуде, каковую по утверждению Николая научился жечь местный горшечник, привезя технологию с ярмарки. Гости отведали овощного супу, затем была подана Большая Рыба Ого, достопримечательность Святого Озера, запеченная в глине с травами, отчего вкус ее приобретал удивительную нежность. Завершилось все густым местным цветочным чаем с кренделями. В ходе обеда говорили немного, но успели выяснить, что проблема Святого Озера имела политический привкус, и большинство местных родов считали жителей Феофании святотатцами, каждодневно проклиная их, и много раз пытались завоевать. Их губила низкая организация и внутренний разброд.

— Вы случайно поселились здесь, возле их святыни? — спросил Бернарди.

— Нет, разумеется, — улыбнулся отец Феофан. — Надо заметить, что святыня эта была уже изрядно подзабыта к тому времени, как я здесь оказался. Я селился в практически необитаемых лесах.

— И все-таки, в этом было нарушение закона, — сказал Бернарди. — Есть достаточно

четкие указания о святынях и тотемах. Не следовало раздражать туземцев столь очевидным вмешательством в их культуру.

— Я оказался здесь специально, — продолжал отец Феофан. — Ведь люди не зря покинули эти места. Здесь было сосредоточение темной мистики, люди боялись этого места. Прошло не менее десятка лет, прежде чем они осмелились приблизиться к озеру. Зато теперь мы каждый год совершаем там на Крещение великое водосвятие, и озеро действительно можно назвать Святым.

— Что вы называете темной мистикой? — недоуменно поднял голову Бернарди.

— Проще говоря, сатанизм, — сказал отец Феофан.

— А разве сатанизм не имеет столько же прав на существование, как и ваша вера?

Вопрос этот, заданный Бернарди в порядке общего интереса, вызвал у хозяев почти шоковую реакцию. Николай поперхнулся чаем, Люба вскочила и выбежала из комнаты, а туземец Ваня, сидевший рядом с отцом Феофаном, пробормотал что-то неодобрительно и перекрестился. Один отец Феофан лишь качнул головой.

— Сатанизм есть торжество ненависти, — сказал он. — А наша вера есть полное и решительное отрицание сатаны. Впрочем, ваше неведение достаточно характерно для современного

сознания, господин доктор.

— Дорогой господин Бернарди, — откашлявшись, сказал Николай. — Вы же проходили курс истории религий, не так ли? Как же можно уравнивать в правах созидание с разрушением? Любовь и ненависть?

— Мне казалось, — не сдавался Бернарди, — что это две стороны одного диалектического единства. Свет и тень, Бог и дьявол... Я не представляю себе одно без другого.

— Наше исповедание отрицает такое единство, — сказал отец Феофан. — Нам думается, что творческая основа мира зиждется на божественной стихии любви. Этой очевидности противостоит бесконечное многообразие сатанинских измышлений, порождений человеческой гордыни и хитроумия, и противостояние это, как показывает наша история, небесполезно. С глубокой скорбью наблюдаем мы вокруг угасание духа любви, торжество невежества, гордыни, порока и похоти. Вместо ясного сознания человеку дается фальшивые иллюзии, там же и страхи и чудовища. Теперь вы понимаете, из каких стихий рождается ваша «звездная чума»?

Ответом ему было долгое молчание, каждый по-своему переживал услышанное.

— И все же, — спросил капитан Головкин. — Когда мы едем?